

Чтобы понять, почему Цзя Чжэн, едва услышав имя Шао Инлиня, поспешил отправить к нему своего сына Цзя Чжу, надобно вкратце поведать о превратностях судьбы этого удивительного человека.

Жизнь Шао Инлиня, чьим вторым именем было Чэнцзо, с самых малых лет оказалась полна невзгод. Отец его, некогда служивший скромным редактором в Академии Ханьлинь, покинул этот бранный мир едва дожив до тридцати, когда самому Инлиню не исполнилось и пяти лет. Старая госпожа долгие годы безропотно несла свое бремя: ухаживала за своими родителями-свекрами и растила малолетнего внука. К шестнадцати годам, когда юноша уже готовился держать государственные экзамены, его дед внезапно преставился, и Инлиню пришлось облачиться в траурные одежды, забыв на время о книгах.

Миновали долгие три года сыновнего долга. Но стоило молодому человеку вновь обратиться к учениям, как скончалась бабушка. Снова траур, снова затворничество. Так в скорби пролетели шесть лет его молодости. Еще в шестнадцатилетнем возрасте родственники сосватали за него достойную девушку, договорившись сыграть свадьбу по весне, однако затянувшийся траур расстроил эти планы: семья невесты, устав ждать, расторгла помолвку и выдала дочь за другого.

Лишь освободившись от бремени скорбных обязательств, Инлинь наконец смог явиться на испытания. Судьба улыбнулась ему: он блестяще выдержал экзамен, заняв первое место и удостоившись почетного звания хуэйюаня. В те годы отец Линь Хая еще здравствовал и занимал пост главного столичного экзаменатора; именно под его началом Инлинь сдавал тесты. Придя выразить почтение своему наставнику, молодой ученый сошелся с семейством Линь.

В ожидании высочайшего дворцового экзамена, который должен был состояться через месяц, Инлинь обосновался в столице. Но человек предполагает, а Небо располагает: с родины пришла горькая весть — преставилась его бабушка, воспитавшая его в строгости и любви. Обливаясь слезами, Инлинь отказался от участия в состязании и поспешил назад, в родные края, чтобы на три долгих года уйти в затворничество, оплакивая единственную заступницу.

Лишь справив тризну по матери, тридцатилетний Шао Инлинь наконец женился. Супруга его была кротка, добродетельна и умна, но счастью их не суждено было продлиться долго. Спустя год молодая женщина тяжело заболела и угасла, оставив мужа безутешным. Овдовев, Инлинь поклялся более никогда не связывать себя узами брака.

Пролетело еще десять лет, за которые мир неузнаваемо переменился. Помня о том, что Инлинь некогда снискал славу первого столичного выпускника, а также уважая его исключительное сыновнее благочестие, местный губернатор направил ко двору прошение. Императорский двор удовлетворил ходатайство, и Шао Инлиня назначили уездным судьей в глухой, захудалый край провинции Хубэй. Распрощавшись с покровителем, новоиспеченный чиновник собрал нехитрый скарб и отправился к месту службы.

За время своего правления он совершил немало славных дел на благо простого люда. Всего за полгода усердных трудов Инлинь сумел обуздать местных заносчивых богатеев и искоренить

лихоимство среди уездных писцов. Он всячески поощрял земледелие, и каждую весну лично выходил в поле, направляя плуг, дабы подать пример крестьянам. По праздникам же проявлял великое милосердие: отворял двери темниц и отпускал узников домой, дабы те могли встретить Новый год в кругу семьи. Удивительно, но по прошествии празднеств все до единого арестанты возвращались под стражу, и никто не пытался бежать. Заботясь о просвещении, Шао Инлинь основал уездную школу и заложил здание академии, открыв путь к знаниям для одаренных юношей. Когда же трехлетний срок его службы подошел к концу, благодарные жители — старые и малые — вышли на дорогу, со слезами на глазах провожая своего благодетеля.

Вернувшись в столицу для отчета, он получил повышение в Министерство ритуалов. Однако к тому времени пыл его угас, а честолюбивые помыслы окончательно покинули душу. Вскоре разразился громкий скандал, связанный с подкупом на государственных экзаменах. Будучи человеком кристальной честности, Инлинь подал императору докладную записку, в которой открыто обличил пороки чиновничества, чем навлек на себя гнев могущественных временщиков. Понимая, что при дворе ему не выстоять, он сослался на внезапный недуг и подал в отставку. Навсегда покинув поприще государственной службы, Шао Инлинь пустился в странствия, посвятив остаток дней написанию книг и ученых трактатов.

В молодые годы Инлинь удостоился чести учиться у Ван Синьчжао, одного из ярчайших поборников вольнодумного Учения о разуме. Синьчжао утверждал, что «вне разума нет сущего», и ратовал за свободу человеческих чувств, что в корне противоречило сухим догмам официального неоконфуцианства. Впоследствии этот великий муж впал в немилость у всемогущего канцлера и во время чтений в Сяогани был схвачен местным губернатором и брошен в узилище. Узнав о беде, постигшей наставника, Инлинь без колебаний распродал остатки своего имущества и преодолел тысячи ли, стремясь вызволить учителя или хотя бы облегчить его участь. Увы, едва добравшись до Сяогани, он узнал о безвременной кончине Ван Синьчжао. Тот был слаб здоровьем, а тюремщики, желая припугнуть строптивого философа, подвергли его жестокому допросу. Достаточно оказалось всего пары ударов тяжелыми бамбуковыми палками, чтобы дух праведника отлетел. Эта весть потрясла Поднебесную: ученики безременно погибшего мудреца заповили улицы, осыпая проклятиями жестокого губернатора.

Гибель учителя окончательно разбила сердце Инлиня. Он зарекся служить государству и долгие годы вел жизнь скромного домашнего учителя и советника. По натуре своей он был человеком благородным, широких взглядов, настоящим светочем своего времени. Обладая поистине бездонными знаниями и в совершенстве владея шестью благородными искусствами, он оставался крайне несведущ в мирских делах. Из-за вечных семейных невзгод и трауров он нажил лишь горы книг да несколько сундуков с древними свитками, старинной каллиграфией и бронзой. Прибыв некогда в столицу, он устроился наставником в усадьбу потомков гуна Шаньсю, где обучал второго молодого господина Хоу Сяохуа. В те поры еще здравствовал прежний старый принц Цзинь. Наслышанный о талантах Шао Инлиня, он пригласил его в свои покои, где они на протяжении нескольких дней вели неспешные беседы о Дао за чашей отменного чая, после чего ученый откланялся.

Ныне, когда прослышали о возвращении мастера в столицу, и поместье принца Цзиня, и усадьба Сюгогун поспешили направить к нему гонцов, наперебой предлагая кров и почет. Но Инлинь лишь навестил своего прежнего ученика в доме Хоу, после чего сразу же направился в поместье Линь. Линь Жухай слыл человеком тонкой душевной организации, способным на

глубокие, искренние чувства, и они быстро нашли общий язык. К тому же, уезжая из столицы несколько лет назад, Линь Хай настойчиво звал его к себе. А когда выяснилось, что юный Линь Сюйюй пленил сердце старого ученого своим острым умом, Инлинь с радостью перебрался в его усадьбу вместе с домочадцами. Столичная знать почитала за великую честь знакомство с ним, и едва разнесся слух, что он гостит у Линь Жухая, к воротам потянулись пышные экипажи. Однако Шао Инлинь, давно охладевший к мирской суете, раз за разом отказывался от встреч, ссылаясь на слабое здоровье.

И вот ныне Линь Жухай самолично вел Цзя Чжэна и его сына в глубину сада, где для Шао Инлиня был отведен отдельный уединенный уголок. Этот маленький дворик, скрытый в самых потаенных кущах, отличался первозданной тишиной, и Линь Хай строго-настрого запретил слугам тревожить покой гостя. Обогнув парадный зал, путники пошли по крытой галерее. Дорога петляла мимо резных перил, многоярусных павильонов с расписными балками и узорчатыми карнизами, покрытыми глазурованной черепицей. Повсюду высились причудливые скалы, цвели редкие травы, а сквозь густые заросли бамбука пробивались солнечные лучи. Казалось, они ступали по страницам старинного живописного свитка.

Стоило им миновать нагромождение дырчатых камней с озера Тайху и приблизиться к заветной калитке, как до их слуха донеслись чистые, хрустальные звуки циня. Все трое невольно замерли, боясь шелохнуться.

— Это господин Шао играет, — вполголоса произнес Линь Хай. — Кажется, это «Весенний рассвет в обители бессмертных»...

Рокочущие звуки инструмента ложились на душу легко и непринужденно, подобно дуновению прохладного ветра или журчанию горного ручья. В этой игре чувствовалось абсолютное умиротворение исполнителя: его помыслы были чисты, а дух воспарял над земной суетой, сливаясь с безмолвием природы. Тонкие пальцы скользили по ледяным струнам, рождая мелодию, в которой еще до появления первых созвучий угадывался глубокий смысл.

Послушав немного, Линь Хай с улыбкой добавил:

— Лишь пребывая в самом благостном расположении духа, наставник берется за «Диких гусей, опускающихся на песчаную отмель». Впрочем, поговаривают, в былые годы он мастерски исполнял и «Феникса, ищущего подругу», да только имя той счастливицы, которой довелось это услышать, сокрыто туманом лет.

Вдруг музыка оборвалась на полуслове, и из-за ограды раздался мягкий, чистый голос:

— Раз уж пришли, отчего же не войти?

Голос звучал на удивление молодо и свежо.

Повинуясь приглашению, гости ступили во двор. Укромный уголок соединялся с боковым

выходом из поместья, что позволяло наставнику покидать дом, минуя парадные залы. По периметру колыхались стройные стебли зеленого бамбука, а посередине красовался выложенный камнем небольшой пруд, на глади которого покоились нежно-голубые кувшинки. В глубине высился скромный флигель из четырех комнат. Три передние служили тихой обителью, кабинетом и опочивальней, а позади располагался просторный покой для отдыха. Мелодия доносилась из кабинета. У дверей стоял преданный слуга Шао Цзюнь; заметив прибывших, он почтительно приподнял бамбуковую занавесь. Пропустив друг друга вперед в знак взаимного уважения, Линь Хай и Цзя Чжэн переступили порог.

Убранство кабинета дышало утонченной простотой. На почетном северном месте возвышался просторный кан с низким столиком, на котором покоился прославленный древний цинь «Эхо Великого мудреца». На стене над каном красовался свиток с четырьмя иероглифами: «Вне разума нет сущего». Написанные широкими, архаичными штрихами, они безошибочно выдавали кисть покойного философа Ван Синьчжао. У восточной стены тянулись полки, доверху забитые книгами, у западной — стоял изящный столик-подставка с бирюзовой вазой, в которой благоухала одинокая ветка гардении. У широкого окна расположился длинный письменный стол, укрытый парчовым покрывалом нежно-небесного цвета. На нем в строгом порядке были разложены нефритовый сосуд для омыwania кистей, несколько старинных тушечниц, резная подставка для кистей из светлого нефрита и подставка для туши из сандала, инкрустированная перламутром.

Взгляд Цзя Чжу сразу же упал на каллиграфию Ван Синьчжао. В его голове мгновенно созрел дерзкий план:

"Раз уж наставник Шао — верный последователь Учения о разуме, то, если он вздумает испытывать меня по канонам, мне стоит толковать изречения древних мудрецов именно сквозь призму этой философии. Это может произвести на него неизгладимое впечатление..."

Хозяин дома, сидевший до этого на кане со скрещенными ногами, поднялся навстречу гостям, дабы поприветствовать их. Одетый в простое бирюзовое одеяние с широкими, летящими рукавами, он выглядел на удивление молодо — ему едва ли можно было дать больше тридцати лет. Лицо его отличалось правильными, благородными чертами: статный, подобный сияющей нефритовой горе, он излучал спокойствие и чистоту, сравнимую с прозрачными осенними водами.

— Приветствую тебя, брат Чэнцзо, — улыбнулся Линь Хай, кланяясь первым, после чего повернулся к гостям: — Позвольте представить вам господина Шао.

Цзя Чжу внутренне ахнул. Он ожидал увидеть маститого старца, умудренного долгими годами учения и изможденного ударами судьбы, но представший перед ним муж являл собой образец цветущей молодости и благородства.

Слуга Шао Цзюнь быстро внес три кресла с резными подлокотниками, приглашая гостей сесть. Когда все устроились, хозяин дома вернулся к своему столу с цинем и сделал знак подавать чай.

Окончив церемонию приветствий, Цзя Чжэн велел сыну совершить земной поклон перед ученым, после чего поспешил изложить суть своего дела:

— Слава о ваших великих талантах и добродетелях, господин Шао, давно долетела до моих ушей. Приводя к вам своего недостойного отпрыска, я и надеяться не смел, что вы не побрезгуете нашим невежеством и удостоите нас личной беседы...

Внимая велеречивым излияниям гостя, Шао Инлинь хранил молчание, лишь слегка кивая головой. Он прекрасно понимал, зачем пожаловал этот благочестивый чиновник, но не спешил перебивать его.

— Мой старший сын, Цзя Чжу, от природы глуповат и ленив, — продолжал Цзя Чжэн. — Я не смею тешить себя надеждами, что из него вырастет великий муж, но искренне желаю, чтобы он хотя бы обучился грамоте и познал основы приличий. Ранее его наставлял господин Янь Сывэй, однако месяц назад он получил назначение на должность уездного начальника и спешно отбыл к месту службы. С тех пор мальчик забросил занятия, а я сбился с ног, пытаюсь найти для него достойного учителя. Прослышав, что вы ныне пребываете у моего зятя Линь Хая и милостиво соглашаетесь давать уроки юному Сююй, я решился на эту дерзость. Смирренно прошу вас, господин Шао, явить милосердие и взять Чжу-эра под свое крыло — хотя бы простым соучеником и спутником для молодого господина Линя. Мне ведомо, что вы чрезвычайно взыскательны в выборе учеников и ваш порог переступают лишь немногие избранные. Но умоляю вас принять во внимание: пусть мой сын и не хватает звезд с неба, он все же воспитан в почтении к старшим и твердо знает, что такое сыновний долг и благодарность. Не откажите в наставлении...

Шао Инлинь не был сухим догматиком. Выслушав сбивчивую речь Цзя Чжэна, он не ответил ни «да», ни «нет», а вместо этого заговорил совсем о другом:

— Нынче утром я изволил бросить гадательные кости и получил гексаграмму «Юй» — Вольность. Снизу в ней находится триграмма Кунь — Земля, знаменующая покорность, а сверху — Чжэнь — Гром, означающий движение. Когда гром гремит в положенное время, земля пробуждается от зимней спячки и расцветает весенними красками. Следовать велению времени и действовать сообразно обстоятельствам — вот истинный источник гармонии. Сие знамение прямо указывает мне, что сегодня надобно уступить велению судьбы и не противиться происходящему.

Линь Хай, сидевший рядом, оживился:

— Вот как? Вспоминается мне, дорогой Чэнцзо, что в прошлый раз тебе выпала гексаграмма «Цянь» — Смирение. Книга Перемен гласит о ней: «Ни споров, ни раздоров, все делится поровну, золото само идет в руки, и все чаяния исполняются». Тот знак советовал умерить пыл и положиться на течение жизни. Нынешняя же гексаграмма «Юй» вторит ему, замыкая круг предначертанного.

— Истинно так, — кивнул Инлинь. — Стало быть, ваш сегодняшний визит, почтенный брат Цзя,

предрешен свыше. Наша встреча — плод давних причинно-следственных связей.

Услышав это, Цзя Чжэн пришел в неописуемый восторг и поспешил закрепить успех:

— В таком случае это великая радость для нашего скромного дома! Невыразимая удача!

Наставник лишь тонко улыбнулся и перевел испытующий взор на Цзя Чжу, который с самого момента своего приветствия не проронил ни слова. Ученый принялся неторопливо разглядывать мальчика. Тот был облачен в простое шелковое платье цвета лунного сияния. С виду отрок казался хрупким и болезненным, и ему недоставало той ослепительной, почти неземной стати, коей обладал юный Линь Сююй. Однако черты его лица были безупречны: чистая, как первый снег, кожа, алые губы, благородная осанка. Но более всего поражал его взгляд — ясный, глубокий и сосредоточенный. Несмотря на столь нежный возраст, в его глазах не было детского легкомыслия; они светились недюжинным умом и скрытой силой.

Шао Инлинь за долгие годы странствий повидал немало людей и научился с первого взгляда читать по лицам человеческие пороки и добродетели. Но этот ребенок удивил его: мальчик смотрел прямо на него, не опуская глаз и не выказывая ни капли страха. Его взгляд был прямым, исполненным достоинства и сдерживаемой мудрости — полная противоположность суетливой угодливости его ортодоксального отца. Инлинь мысленно похвалил выбор судьбы, но решил все же испытать гостя:

— Ну скажи мне, дитя, какие книги тебе уже довелось прочесть?

Сидевший рядом Цзя Чжэн заерзал на стуле и бросил на сына строгий, предостерегающий взгляд, безмолвно веля тому отвечать со всем почтением. Цзя Чжу едва заметно кивнул отцу, успокаивая его, и молвил:

— Коль скоро наставник спрашивает, я не смею лгать. Я только-только приступил к изучению «Четверокнижия».

— Что ж, коль так, прочти-ка мне наизусть и растолкуй какой-нибудь отрывок из «Великого учения», — предложил Шао Инлинь.

Цзя Чжу едва сдержал ликующий вздох.

"Сами боги помогают мне! — подумал он. — Другие книги могли бы вызвать затруднения, но именно "Великое учение" послужило основой, на которой отцы-основатели Учения о разуме воздвигли свой философский чертог!"

Он знал, что Шао Инлинь учился у Ван Синьчжао, чьи воззрения считались ересью среди приверженцев казенного неоконфуцианства. Трактровка «Великого учения» у этой школы была совершенно иной, дерзкой и живой. Решив рискнуть, Цзя Чжу начал звучным голосом

декламировать канонический текст, перемежая его комментариями в духе запретной философии разума:

— Великий муж зрит в Небе, Земле и во всех десяти тысячах вещей единое тело. Для него Поднебесная — одна семья, а Срединное государство — один человек...

Линь Хай, сидевший поодаль, медленно поглаживал усы и лишь загадочно улыбался. Цзя Чжэн же в ужасе вылупил глаза: он сразу понял, что сын цитирует отнюдь не канонические толкования Чжу Си, а какую-то вольнодумную отсебятину! Про себя он костерил неразумного мальчишку за дерзость и глупость и уже открыл было рот, чтобы принести извинения за «несусветный вздор этого щенка», как вдруг заметил, что лицо Шао Инлиня озарилось искренним восторгом.

Старый философ, конечно, удивился, откуда у столь юного создания познания в учениях, объявленных ересью, но его покорило бесстрашие и глубина ума этого ребенка, посмевшегося спорить с мертвой догматикой в присутствии отца-ортодокса. Повернувшись к онемевшему Цзя Чжэну, ученый проговорил:

— О, этот отрок воистину усладил мою душу! Вы явили миру редкий пример мудрого родителя, почтенный брат Цзя. В обычных домах детей пичкают лишь сухими догмами, откуда же взяться столь редкому, глубокому и свободному уму? Настоящее сокровище!

Цзя Чжэну оставалось лишь растерянно улыбаться, гадая про себя, издевается над ним великий ученый или хвалит всерьез. В их почтенном роду отрокам из поколения в поколение вколачивали в головы лишь канонические тексты, и никакой сомнительной философии он сыну никогда не преподавал. Сам же Цзя Чжу мысленно торжествовал: ставка оправдала себя на все сто процентов. Наставник действительно принадлежал к числу верных последователей Учения о разуме.

На этом вопрос с обучением был решен. По знаку отца Цзя Чжу совершил три традиционных земных поклона, закрепив священные узы между учителем и учеником, и поднес наставнику традиционные дары, которые тот принял с искренней улыбкой. Собеседники условились, что начиная с завтрашнего дня молодой господин Цзя каждое утро будет являться в поместье Линь, дабы внимать урокам вместе с Линь Сююем, а после полудня возвращаться домой для самостоятельного повторения пройденного.

Проведя еще некоторое время за приятной беседой, гости засобирались. Цзя Чжу прошел во внутренние покои, дабы засвидетельствовать почтение своей тетушке Цзя Минь, а затем в сопровождении слуги отправился в библиотеку, где занимался Линь Сююй. Желая поделиться радостной вестью, а заодно немного подразнить кузена, он с самым серьезным видом подошел к нему, положил руку на плечо и важно произнес:

— Брат мой, с завтрашнего дня мы с тобой станем соучениками. Прошу любить и жаловать.

Сююй удивленно моргнул, сочтя подобное панибратство излишне вольным, но спорить не стал

— его лицо осветилось искренней радостью. Делить тяготы учения с товарищем куда веселее, нежели корпеть над свитками в одиночестве. Так начался их общий путь. Кто бы мог подумать в тот день, что долгие годы совместных трудов и деления пополам радостей и невзгод свяжут этих двоих узами столь крепкими и глубокими, что они перерастут в нечто большее, предопределив их общую, полную смятения и страсти судьбу... Но об этом будет рассказано в свое время.

<http://bllate.org/book/18221/1751879>